■ ПАМЯТЬ СЕРДЦА

«Дай руку, ты будешь жить!»

Так сказал моей прабабушке рядовой Иван Слепцов и ценой своей жизни сохранил все последующие поколения нашей большой семьи

Вся наша семья до земли кланяется рядовому Ивану Слепцову, который подарил всем нам жизнь, вытащив мою прабабушку Анну Вороневскую (в девичестве Глотову) из болота, когда она убегала от немцев.

Все произошло почти в тех местах в Карелии, где позже снимали фильм «А зори здесь тихие…». С одной стороны стояли немцы, с другой - наши. Дело было на Медвежьегорском направлении. В населенном пункте, где жила прабабушка, стояли советские войска, эта территория не была в оккупации, но совсем недалеко располагались немецкие части. Анна, ей было 16, подслушала, что советским солдатам нужна карта наступления врага на железную дорогу, и решила рискнуть головой, но добыть этот документ, никому не сказав.

Солдат Ваня Слепцов, 18-летний парень, призвавшийся в армию в первые дни войны, был расквартирован в соседний дом. Иван встал затемно, машинально глянул на соседскую дверь и был изумлен, что Аня уже на ногах и, крадучись, куда-то спешит вдоль домов. Он пошел следом, но девушка из виду скрылась.

Так бы и не нашел Иван Анну, но где-то через полчаса услышал тихий плеск и стоны. Это именно та сцена, которую позже показали в фильме: в болоте тонула девушка, а рядом была воткнута палка с каким-то тряпьем. Ваня не растерялся, взял ветку и, жестом приказав ей молчать, стал тянуть. Его тело грузло в жиже, а она поднималась над трясиной и выбраться, как сотню раз потом вспоминала, смогла по его телу. Хотела помочь, но позади уже слышались крики и лай овчарок. Ваня махнул рукой: «Беги!», и она побежала. Под вязаной шапочкой Анны был спрятан тот самый документ, который оказался так нужен нашим.

Разгорелась схватка, советские солдаты оттеснили немцев от болота, но Ивана спасти было невозможно, не нашли даже его тела, что понятно - оно навеки похоронено в том болоте. А украденные документы позволили нашим войскам предотвратить нападение фашистов на участок железной дороги.

Мою бабушку с ее мамой и сестрами отправили в тыл. Она окончила сестринские курсы и стала работать в госпитале, ухаживала за ранеными. Так для нее прошла война. Трижды в эвакогоспиталь привозили одного и того же солдатика, его дважды контузило и секло осколками снарядов, а в третий раз взрывом оторвало пальцы на левой руке и ухо. Это было уже в конце 1944-го. Парень очень походил на рядового Слепцова и звали его также Иваном, только Вороневским. Это была судьба.

У Анны и Ивана родилось четверо детей - два сына и две дочери. Старшего они по обоюдному согласию назвали Ваней в честь человека, который когда-то ценой собственной спас ей жизнь. У Ивана родились две дочери, одна из них, Лидия, - моя мама. Кроме меня, есть еще брат. Его тоже назвали Ваней. И самое интересное, наша фамилия Слепиковы. Так что наш Ваня почти полный тезка того, который подарил возможность существовать и расти нашему большому роду, который живет в Петрозаводске, Санкт-Петербурге, Казани и Магадане.

Под знамена Бессмертного полка каждый год со дня начала проведения акции мы становимся с несколькими фотографиями во всех перечисленных городах, и, кроме фото прабабушки и прадедушки Анны и Ивана Вороневских, обязательно несем снимок Ивана Слепцова. Его бабушка забрала из личных вещей, фотокарточка предназначалась маме погибшего солдата, и бережно хранила в своем фронтовом альбоме всю жизнь. Для нас он ангел-хранитель рода, ему кланяемся все до самой земли.

Татьяна СЛЕПИКОВА-ИВАЩЕНКО.
Из электронной почты.

■ НАСЛЕДНИКИ ПОБЕДЫ

Дед Митя

В детстве он меня очень пугал, но, когда выросла, я поняла, что для нас значил этот человек

Деда Митрофана Ильича почти не помню. Когда приезжала в гости в старенький дом под Тулой, он был глубоко больным старым человеком, тело которого искалечила война. У него не было глаза, только какое-то серое месиво в глазнице, этого я очень боялась и избегала заглядывать в комнату. Еще он постоянно кашлял, это тоже меня пугало. Но я помню парадную форму в медалях - она висела на стене. К ней нам, детям, запрещали подходить.

Бабушка Соня была гораздо моложе деда, на 15 лет. В год окончания войны ей было 10 лет, жила в тылу, пока в 1953-м не познакомилась с Митей, как она всю жизнь его звала. У Мити умерла первая жена, она воевала наравне с ним, только на других фронтах, они познакомились в Австрии в 1945-м и сразу же поженились. Но раны не дали его супруге долгой жизни. Она умерла в тяжелых родах в конце 45-го, оставив вдовца с младенцем на руках, это был мой дядя Виктор.

Мама для Вити появилась лишь спустя 8 лет в лице моей бабушки Сони, которая взяла заботы о второклашке на себя, а ведь ей было всего 18! Они с Митей оказались в одном общежитии, так и сложилась семья. Бабушка Соня родила еще троих детей, один, к сожалению, умер в младенчестве. Но двое оставшихся, сын и дочка, выросли прекрасными людьми.

Моей Сони, а я ее так и называла «моя Соня», не стало в этом году. Я летала на похороны. Думала, летом встретимся в их стареньком доме под Тулой, недалеко от которого Митя и похоронен, да вот пришлось лететь в марте на такое траурное событие. В день ее похорон пошел сильный снег, было безветренно. Мне казалось, это она гладит меня по голове снежинками, такая легкая и почти прозрачная, как и при жизни.

До конца жизни она говорила о Мите, об их любви, о войне, плакала над телевизионными репортажами об Украине, ведь именно там Митрофан и служил, защищая нашу землю. Она вырастила нас настоящими людьми, а все потому, что ее муж был фронтовым офицером, героем, который и ее воспитывал в свое время, когда она девчонкой-полусиротой вышла замуж, ничего не зная и не умея.

В молодости Митрофан Ильич был очень красивым, я даже не поверила, увидев впервые снимки. Потом, конечно, производственная травма глаза изуродовала эту красоту, но он все равно был видным.

О его военных подвигах бабушка любила нам рассказывать. Наверное, поэтому оба дяди стали военными. Это ведь очень важно, чтобы именно в семье берегли, хранили память о героях, такому в школе не научат, и гордиться своей страной и предками никто не заставит, это могут сделать только честные, проникновенные рассказы, понятные молодым.

По телефону с корреспондентом говорила Елена.

■ ЖЕНСКАЯ ДРУЖБА

Годы вместе не в счет, потому что ее сын и моя дочь решили пожениться

Валя и я вместе со школы. Надо ли говорить, сколько вытерпели девочки из трассовских поселков, которых сейчас и на карте нет, чтобы закрепиться в городе, жить нормально. Прошли через измены, предательство, нищету, вместе голодали, с трудом встали на ноги, во всем друг друга поддерживали, чтобы теперь разругаться впервые в жизни из-за детей?

Валя родила Влада в двадцать от случайного в своей жизни человека. Жила у знакомых, ее оттуда с малышом выгнали, скиталась по съемным квартирам, перебивалась с хлеба на воду первые пять лет, потом с работой получилось, наладилась личная жизнь, стало ей полегче. В это время и я вышла замуж, родила Алю. Конечно, мне было гораздо проще - муж работал на трассе, хорошо получал, хоть жили негладко - он изменял. Но десять лет выдержала, пока не смогла его прогнать и остаться одна. Тогда уже был свой бизнес, он хорошо кормил, правда, недолго.

Аля никогда не дружила с Владом из-за разницы в возрасте. Когда ей было 12, он поступил учиться в другой город, потом армию отслужил. Аля моя с ним встретилась в отпуске, передала что-то от Вальки. И они влюбились. Он приехал в Магадан, потому что Аля доучивается и не может все бросить, а жениться просто приспичило.

Я была не очень рада - не время еще, нужно бы погулять, к жизни присмотреться, а тут сразу брак, потом дети. Он только работать пошел и сразу уволился, чтобы сюда приехать. Тут подыскала мама ему место, хоть тоже без радости - не хотела, чтоб здесь жил, тем более у нее молодой ухажер, чуть старше Влада.

И вот начались проблемы. Она сначала косо смотрела, потом стала в открытую выговаривать, что я специально Алю подложила под него - совсем крыша поехала! Мол, у него приданое, какое только - непонятно. Однушка задрипанная в Магадане, да и ту оставил его родной отец, вести о котором дошли только после его смерти в виде этого наследства. У моей Али все в порядке, строю ей отдельное жилье. Так что еще непонятно, у кого из них приданое покруче.

Потом разговоры изменились: «Алька им вертит, ты ее сучкой воспитала, крутит ему мозги, он не спит ночами». Уже говорила ей: пусть сами разбираются, нечего нам туда лезть. Как-то же свои жизни прожили без подсказки, чего ругаться, если от нас ничего не зависит? А она завелась и покоя мне не дает: пишет, звонит, и с чего бы разговор ни начался, кончается все равно тем, что Аля моя плохая, а ее Владик хороший. Прям ангел он у нее! Бездельник и лоботряс, работал на 15 тысяч рублей и с мамы все годы, что учился, тряс деньги и требовал снять отдельное жилье, в общежитии ему некомфортно. А я ей говорила, пусть здесь учится, дома живет, столько денег сэкономите. Она же уперлась: мол, какое тут образование?

Однако Влад после престижного вуза пошел в продавцы, а моя Аля после четвертого курса уже по специальности устроилась и сейчас пятьдесят зарабатывает спокойно. Но я-то ее обожаемого отпрыска этими фактами не обижаю! Наоборот, придет в гости - чай-кофе, выпечка, ужин, разговоры, хоть он далеко не профессор, ничего умного сказать не может, но терплю ради дочки, вижу, какими она на него глазами смотрит, как я в свое время на ее отца-бабника.

То есть я сдерживаюсь, а Валька из всех стволов нашу семью поливает перед общими знакомыми. Не раз уже слухи об этом доходили, но я все молчу, жду, может, одумается. Конечно, больше всего жалко общего с ней прошлого, а не ту истеричку и сплетницу, которой она стала.

С корреспондентом говорила анонимная читательница.